

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора юридических наук, профессора Гаджиева Гадиса Абдуллаевича на диссертацию Морхата Петра Мечиславовича на тему «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

1. Актуальность темы. В XXI веке проявился такой феномен, как ускорение создания новых технологий и новых гаджетов. Потребитель только что купил современную модель какого-либо устройства, как он обнаруживает, что есть такое же устройство нового поколения. Естественно, что такое их принудительное старение преследует прежде всего цель извлечения прибыли производителями, но нельзя не признать, что реально последние модели отличаются от предыдущих. В обществе витает мысль о том, что скорость приближения будущего к настоящему значительно увеличилась и тем самым меняется соотношение между прошлым – настоящим – будущим, привычное для людей.

Реальность появления технологических разработок, пока только частично копирующих человеческий интеллект, то есть являющихся воспроизведением отдельных когнитивных способностей, грёзы о киборгах вызывают естественный интерес и у юристов к тому, каким образом технические устройства, созданные разумом человека, то есть естественным интеллектom, устройства, обнаруживающие способность, пока в весьма ограниченных пределах, замещать человека, могут появиться на юридической картине мира, причем уже не в качестве объектов правоотношений. Могут ли эти технические устройства осуществлять функции создания новых охраняемых произведений, правоприменения? Вот, пожалуй, та проблематика, которая детерминирует безусловную актуальность для юридической науки вообще, но прежде всего для науки гражданского права темы диссертации. Для меня несомненно, что объектом исследования диссертации Петра Мечиславовича Морхата являются отношения, являющиеся предметом правового регулирования нормами гражданского права.

2. Автор диссертации раскрывает различные юридические аспекты, связанные с необходимостью «прописки» «искусственного интеллекта» в юриспруденции: юридические аспекты «искусственного интеллекта»; проблемы, связанные с использованием технических устройств, замещающих отдельные когнитивные способности человека для создания новых охраняемых правом результатов творческой деятельности; возможные варианты решения проблем юридической ответственности владельцев либо создателей юнитов искусственного интеллекта. Но если все же произвести фокусировку всего многообразия исследуемых автором проблем, то в центре внимания оказывается самая обсуждаемая, самая интересная и дискуссионная в науке гражданского права тема гражданской правоспособности вышеупомянутых технических устройств.

Поясню, почему я беру в кавычки слова «искусственный интеллект». Ссылаясь на публикацию Г.А.Гаврилова и В.Ф.Хорошевского, П.М.Морхат обращает внимание на то, что английское словосочетание «artificial intelligence» можно переводить по-разному на русский язык, английское слово *intellect* это и есть русское «интеллект», но *intelligence* – это нечто отличное от «интеллекта». Действительно, словосочетание «artificial intelligence» в английском языке не имеет той антропоморфной окраски, которую оно приобрело в результате неудачного перевода на русский язык слова *intelligence*, которое означает способность рассуждать разумно, а не синтетическое научное понятие «интеллект».

С моей точки зрения, интеллект – это термин, охватывающий все душевные способности человека. И тогда возникает необходимость в своего рода археологии используемых в науке понятий, начиная с концепции Фомы Аквинского о соотношении души и тела, которая основана на платоновской концепции «человек – это его душа». Платон объединял в понятии «души» не только интеллектуальную, но и чувственную часть, считая обе части бестелесными. Фома Аквинский также имел аргументы, которые не только подчеркивали различие между душой и телом, но и позволяли бы обосновать связь тела и души.

Так называемая *body – mind problem* в настоящее время обычно понимается так, что человек – это единство души и тела, то есть ни душа, ни тело не рассматриваются как независимые сущности (теория двух аспектов).

Интеллект – это в целом ум человека, его психические способности, отличающиеся от физических, это способности к обучению (запоминанию) на основе опыта общения в социуме себе подобных, способность к пониманию смысла абстрактных понятий, это общая способность к познанию, способность осознавать свои интересы и формировать волю. Вместе с тем это и эмоциональный интеллект, то есть группа ментальных способностей, которые участвуют в осознании и понимании собственных эмоций и эмоций окружающих людей (и животных).

Юниты искусственного интеллекта не обладают всем набором указанных ментальных способностей, они, как правило, способны воспринимать, а затем и осуществлять ряд действий, которые предполагают

обладание общим интеллектом. Поэтому П.М.Морхат безусловно прав, когда он предлагает проводить различие между концепцией робототехники и концепцией искусственного интеллекта (с. 72 диссертации).

На мой взгляд, очень важно решить лингвистически-познавательную проблему: действительно ли *intelligence* – это интеллект, а не отдельные познавательные способности, способности к разумным действиям, которыми человек наделил технические приспособления, являющиеся антропогенным продуктом.

Для того чтобы показать масштаб значимости правильного перевода этого английского понятия, приведу пример с неправильным переводом знаменитого определения Цельса: «*Jus est ars boni et dequi*». В переводе И.Б.Новицкого это «право есть искусство добра и справедливости». Буквально это правильный перевод, но современное правопонимание должно исходить из того, что *ars* – это не только искусство, но и искусственные понятия, понятия фикционные, созданные фантазией человека, такие, как юридическое лицо, бестелесные вещи и т.д. И английское слово *artificial* имеет генетическую связь именно с таким пониманием латинского слова *ars*, это нечто искусственное, созданное разумом человека, но, во всяком случае пока, не способное воспроизвести абсолютно все душевные способности человека.

Научный проект диссертанта оказался успешным во многом благодаря этой первичной методологической установке, хотя он и пользуется понятием «искусственный интеллект» без необходимых, на мой взгляд, оговорок.

В середине 70-х годов в США возникло междисциплинарное движение, которое стало называться когнитивной наукой. Одной из базовых гипотез, проверяемых ее представителями, является идея о том, что процессы переработки информации человеческим мозгом принципиально схожи с процессами, имеющими место в компьютере. Но тогда необходимо признать, что исследования в области искусственного интеллекта должны привести к новым открытиям в понимании устройства естественного интеллекта. Конечно, приходится считаться с тем, что процесс переработки информации человеком ограничен возможностями мозга как биологической субстанции.

По всей видимости, внимание юристов к искусственному интеллекту дало импульс для развития юридической эпистемологии, которая должна изучить особенности прежде всего юридического сознания и познания.

Изначально правильно выбранный методологический подход позволил определить цели и основные задачи диссертационного исследования и сформировать новые, представляющие интерес, прежде всего для науки гражданского права, выводы, в целом представляющие собой цельную научную концепцию.

Просто поражает объем использованных автором диссертационного исследования научных и нормативных, включая судебные решения, источников. Вовлечение их в научный оборот обогащает науку российского гражданского права. Достоинством диссертационного исследования является не только то, что он систематизировал взгляды и позиции ученых многих

стран мира, демонстрируя необходимую для защиты докторской диссертации эрудицию, но и в том, что все они подвергаются научной критике и служат основой для формирования собственной научной концепции правоспособности юнитов, обладающих познавательными элементами, изоморфными естественному интеллекту.

В качестве наглядного примера можно привести авторскую концепцию искусственного интеллекта (с. 91-93 диссертации), которая фокусируется на следующих интерпретационных позициях:

- искусственный интеллект как кибернетический инструмент расширения и усиления возможностей естественного интеллекта;
- искусственный интеллект как призванный заместить человека при выполнении определенных функций и в решении определенных задач автономный кибернетический или киберфизический компьютерно-аппаратно-программный комплекс, обладающий отдельными познавательными и волевыми способностями к осуществлению мыслительных процессов, изоморфных тем, которые осуществляет человеческий мозг, включая процессы обучения, самообучения, рассуждения и решения творческих задач.

Полагаю, что одним из главных научных достижений диссертанта является авторская научная концепция понятия «искусственный интеллект».

Искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий (осуществления и демонстрации таких действий), таких, как распознавание, понимание, интерпретация и генерирование образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смысло-порождающее и смысло-воспринимающее) мышление, обобщение, анализ и оценка информации;
- самореферентности, саморегулирования, самоограничения, самоадаптирования под изменяющиеся условия, автономного самоподдержания себя в гомеостазе;
- самостоятельного (автономного) сложного накопления информации и опыта;
- самостоятельного (автономного) осуществления генетического поиска (genetic algorithm) и обработки информации, то есть реализации эвристического алгоритма поиска с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации;

- обучения и самообучения (в том числе – на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (автономного), в том числе – творческого, принятия решений, формулирования и решения задач и проблем, доказывания математических теорем;
- самостоятельной разработки текстов и алгоритмов под собственное тестирование, самостоятельного осуществления самотестирований и тестирований виртуальной (компьютерной) реальности;
- при заданной и обеспеченной возможности (способности) – сообщения (взаимодействия) с физической реальностью, восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные входы (их аналоги) и реагирования на таковые сигналы, самостоятельного осуществления тестирований физической реальности.

•

3. Научно-прикладной вклад диссертации в науку гражданского права обеспечивают выносимые на защиту новые научные положения о способах применения технических устройств, обеспечивающих искусственно созданные способы познания и анализа в судебной практике и даже в процессе правоприменения. Они позволяют отрезвить горячие головы, которые несколько спекулятивно и скоропалительно предлагали заменить треть юристов в одном из крупных банков роботами или даже доверить им разрешение простых судебных споров. Скорее всего, такие оптимисты придерживаются давно устаревших концепций правопонимания, таких, как метафизическое (догматическое) правопонимание.

Если же использовать предлагаемое диссертантом различие между искусственно созданными техническими приспособлениями, способными к анализу, и общим искусственным интеллектом (с. 90 диссертации), то более реалистичной с точки зрения восприятия концепции общего искусственного интеллекта в юриспруденции будет являться концепция социально-культурно-контекстуального правопонимания. Что же касается простых поисковых систем, которые уже используются в консалтинге и даже в правоприменении, то для них достаточна метафизическая юридическая картина мира.

Для меня наиболее интересными показались научные выводы, которые получены при разрешении прагматической задачи: что из себя представляет ответственность в отношениях с участием юнитов искусственного интеллекта; как надо воспринимать идею об «электронных лицах» и, более широко, гражданскую правоспособность юнитов? Безусловным достоинством цивилистического исследования, проведенного П.М.Морхатом, является то, что оно¹ включает в проблемное поле цивилистики то, как необходимо приспособить традиционные гражданско-правовые конструкции лица, волевою теорию имущественной ответственности, минимизации рисков и т.д. Я склонен согласиться с

выводом диссертанта о том, что концепт правосубъектности «электронное лицо», возможно, в перспективе и окажется востребованным, но пока он релевантен только для весьма ограниченного числа случаев сложных роботизированных систем с искусственным интеллектом (с. 339 диссертации).

Несмотря на некоторую сложность для восприятия, я поддерживаю авторский концепт, согласно которому правосубъектность юнита искусственного интеллекта является (и должна являться) мультимодальной – гетерогенной (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированной к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению; правосубъектность юнита искусственного интеллекта должна быть своего рода «плавающей» в зависимости от типа юнита искусственного интеллекта, от его изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки. Правовое положение может разниться на шкале вариантов – от симплифицированной формы (формализованной онтологии, отражаемой юридико-техническим образом) правового положения такого юнита исключительно как инструмента человека до случая наделения правосубъектностью «электронного лица» и далее, в самом максимуме, до полной правосубъектности юнита искусственного интеллекта – например, в будущем при задействовании юнита искусственного интеллекта в отсутствие человеческого экипажа в дальнем космосе, на других планетах (то есть где это насущно необходимо, но не создаст никаких рисков для человека).

На основе этого подхода и должно осуществляться проектирование, конструирование юридических формулировок в правовом обеспечении правосубъектности «электронное лицо».

Гражданская правосубъектность имеет особо важное значение в концептуализации научных юридических идей, в появлении первоначального юридического концепта действительности, своего рода юридической картины мира правовых отношений, притом что этот процесс занял не одно столетие. Достаточно вспомнить генезис исходных для юриспруденции понятий: лицо, обладание лицом (*persona*) способностью к правообладанию. Латинское слово *capacitas* – способность к правообладанию (и производное от него *capitis* – умаление правоспособности), выражающие основные юридические идеи, обозначают способности, причем не природные, а социальные, то есть производные от коммуникаций между людьми в обществе.

Способности искусственно созданных средств познания – это тоже и *ars*, и *capacitas*, поскольку это антроподобные способности.

В юридическом концепте действительности метод уподобления человеку, метод антропоморфизма, использовался при создании конструкции юридического лица, вот почему он обладает качеством неизменности и

пластичности. Результатом метода (способа) уподобления в юриспруденции являются не только конструкция юридического лица, но и образы в праве.

4. Позволю себе сформулировать ряд частных замечаний в качестве скромного вклада в научную дискуссию.

4.1. Диссертант умело использует такой научный метод, как реферирование, анализ с последующей систематизацией всего многообразия высказанных в мире взглядов по теме диссертации, подвергая их необходимому для научного исследования критическому анализу с целью выработки собственной авторской позиции. Отдавая должное и положительно оценивая этот метод, мне кажется, необходимо было суммировать все те понятия, конструкции из богатого арсенала не только частного права, но и публичного права, которые непременно окажутся востребованными в процессе правового регулирования отношений с участием искусственно созданных средств познания. Я имею в виду способы идентификации юнитов искусственного интеллекта, способы обеспечения их имущественной обособленности, не исключая применение таких конструкций, как способы минимизации рисков и компенсаторные механизмы имущественной ответственности. Необходимо было определить критерии, в каких случаях допустимо привлечение договорной, а в каких – деликтной ответственности, какие метаморфозы возможны с традиционной волевой теорией, в каких случаях имущественная ответственность будет осуществляться на началах риска. Кстати, хорошие перспективы открываются для концепции *strict liability*, обосновывающей необходимость учета превенции нежелательных последствий и возложения несения бремени неблагоприятных последствий на лиц, которые способны влиять на уменьшение рисков (познавательная структура Калабрези-Меламеда «*best decision maker*»).

В § 1 главы III диссертация приближается к проблематике деликтной ответственности, при которой допустимо и целесообразно возложение бремени несения неблагоприятных последствий, имея в виду соображения консеквенциализма, на лиц, способных принимать наиболее оптимальные решения, минимизирующие риски. Расположив такой материал в § 1 главы III, диссертант по умолчанию относит его к проблеме гражданско-правовой ответственности, не вступая в обсуждение того, чем ответственность на началах вины отличается от ответственности на началах риска.

4.2. На стр. 277-280 диссертации автор рассуждает по сути о конституционных правах юнитов искусственного интеллекта, включая право работа на защиту от жестокого обращения, о правах негуманоидных субъектов – шимпанзе. Полагаю, что автор проявил при этом некоторую неразборчивость, привлекая к исследованию нерелевантные теме диссертации материалы.

В частности, возникает вопрос, почему на стр. 255-256 в разделе с анонсом, что исследуется проблематика гражданско-правовой ответственности, исследуются проблемы уголовно-правовой ответственности.

Высказанные замечания не колеблют общий вывод об оценке диссертации как отвечающей требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а автор диссертации – Морхат Петр Мечиславович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03.

Доктор юридических наук, профессор,
научный руководитель факультета права
«Высшей школы экономики» Санкт-Петербург
Судья Конституционного Суда РФ

Г.А.Гаджиев

Гаджиев

Подпись

Гаджиев Г.А.

заверяю:

190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Конституционный Суд РФ

Телефон: (812) 404-33-11
Электронная почта: ksrf@ksrf.ru

